

ИНОГДА
СНЫ ЗНАЮТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МЫ...

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 2

ТОЛСТИКОВ

БЕЗОПАСНОСТЬ —
ЭТО ЗАБОТА.
ИЛИ
КОНТРОЛЬ?

Часть 2

ПРАВО НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

ТОМ 6

Соглашение
без согласия

ИНОГДА
САМЫЕ КРАСИВЫЕ
ДВЕРИ
СКРЫВАЮТ
ПРАВДУ.

СУД

ЭКСПЕРТИЗА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

СОГЛАШЕНИЕ
БЕЗ СОГЛАСИЯ

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ЖИЗНЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 2. Право
на преследование. Том 6.
Соглашение без согласия

*<https://litres.ru/74564684>
SelfPub; 2026*

Аннотация

После второго инсульта Алексей возвращается к встречам с дочерью. Лина не запрещает общение, но требует безопасности, трезвости и соблюдения договорённостей. Однако отцу мало видеть Юлю — ему необходимо увозить её, самому определять маршрут и доказать, что материнское «нет» больше ничего не решает.

Фотографии счастливого ребёнка становятся доказательствами «идеального отцовства», свидетели видят лишь удобные фрагменты, а каждое условие Лины объявляется препятствием. Во время разговора 19 апреля Алексей впервые прямо называет суд, экспертизу и угрозу отобрать дочь «рычагом давления». Вскоре предупреждение превращается в иск, а право отца — в инструмент возвращения контроля над матерью.

«Соглашение без согласия» — шестой том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

Содержание

Глава 21. Первый проект	5
Глава 22. Новые строки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ.
СЕЗОН 2. Толстиков.
Часть 2. Право на
преследование. Том 6.
Соглашение без согласия

Глава 21. Первый проект

Документ пришёл вечером.

Без приветствия.

Без пояснений.

Просто файл с названием:

**ПРОЕКТ_СОГЛАШЕНИЯ_ОБЩЕНИЕ_С_РЕБЁН-
КОМ.docx**

Следом Алексей написал:

Посмотри. Там всё нормально.

Лина не открыла файл сразу.

Юля сидела на полу и строила башню из разноцветных кубиков. Павел делал уроки за закрытой дверью. На плите

закипала вода, стиральная машина медленно прокручивала бельё.

Обычный вечер.

Но название документа уже изменило воздух в комнате.

Слово «проект» звучало безобидно.

Как черновик.

Как предложение.

Как то, что можно исправить.

Слово «соглашение» обещало взаимность.

Двух людей, которые сели за один стол, обсудили условия и нашли решение.

Лина смотрела на экран телефона и понимала: за этим файлом не было ни общего стола, ни обсуждения.

Алексей уже написал правила.

Ей предлагалось их прочитать.

— Мам, смотри! — позвала Юля.

Башня состояла из пяти кубиков.

Шестой девочка пыталась поставить боком.

— Упадёт, — сказал Павел из комнаты.

— Не упадёт! — возразила Юля.

Кубик соскользнул.

Башня рассыпалась.

Юля замерла, готовясь заплакать.

Лина опустилась рядом.

— Давай ещё раз.

— Она сломалась.

— Значит, построим по-другому.

Юля посмотрела на кубики.

— Такую же?

— Какую захочешь.

Девочка начала собирать их заново.

Телефон завибрировал.

Ты получила?

Лина ответила:

Получила. Прочитаю, когда уложу детей.

Три точки появились почти сразу.

Что там читать? Две страницы.

Она не ответила.

Через минуту пришло новое сообщение:

Я специально сделал всё просто. Чтобы без суда.

Лина перечитала последнюю фразу.

Не предложение.

Предупреждение, замаскированное под возможность договориться.

Если она согласится — обойдутся без суда.

Если нет — суд станет последствием её отказа.

Она положила телефон экраном вниз.

— Мам, — сказал Павел из комнаты. — Он опять пишет?

— Да.

— Про меня?

— Нет.

Мальчик появился в дверях.

— Про Юлю?

— Да.

— Что хочет?

Лина посмотрела на дочь.

Юля снова строила башню.

Теперь ставила кубики осторожно, проверяя каждый ладонью.

— Договориться о встречах.

— Вы же уже договаривались.

— Он хочет записать всё на бумаге.

— Зачем?

— Чтобы у каждого были понятные правила.

Павел постоял в дверях.

— У него и так все правила понятные.

— Какие?

— Которые он сам придумал.

Лина ничего не сказала.

— А ты можешь придумать свои? — спросил мальчик.

— Могу.

— Тогда напиши другой файл.

Он вернулся к урокам.

В его словах всё звучало просто.

Если один человек написал правила, второй может написать свои.

Но Лина уже знала: Алексей не считал её условия равными своим.

Его требования назывались родительскими правами.

Её границы — препятствованием.

Его настойчивость — заботой.

Её осторожность — мстью.

Его проект — попыткой договориться.

Её возражения заранее становились доказательством конфликта.

Лина открыла документ после десяти вечера.

Юля спала.

Павел лежал в своей комнате, но свет под дверью ещё горел.

На первой странице стояли их фамилии.

Полностью.

Официально.

Без «Лины» и «Лёши».

Без воспоминаний.

Без дома.

Без камер.

Без пустых бутылок.

Без ночи, когда она увозила детей.

Документ начинался словами:

Стороны, действуя добровольно, в интересах несовершеннолетнего ребёнка...

Лина остановилась на слове «добровольно».

Она ещё ничего не выбрала.

Но в тексте её воля уже существовала.

Заранее.

Как будто подпись была только вопросом времени.

Она продолжила читать.

Первый пункт определял место жительства Юли с матерью.

Лина выдохнула.

Это казалось главным.

Алексей не требовал забрать дочь.

Не пытался изменить место её проживания.

Не претендовал на постоянное нахождение ребёнка у себя.

Второй пункт предусматривал встречи отца с дочерью два раза в неделю.

По несколько часов.

В присутствии матери — до достижения ребёнком определённого возраста.

Это тоже выглядело разумно.

Почти так, как предлагала сама Лина.

Нейтральное место.

Короткие встречи.

Постепенное привыкание.

Без поездок.

Без ночёвок.

Она перечитала пункт ещё раз.

В конце предложения стояли слова:

...если стороны не согласуют иной порядок.

Небольшая фраза.

Шесть слов.

Именно так Алексей действовал всегда.

Основное правило звучало приемлемо.

Но рядом оставалась дверь, через которую его можно было расширить.

Лина выделила фразу жёлтым цветом.

Дальше шёл третий пункт:

Мать обязуется не препятствовать общению отца с ребёнком.

Лина ждала продолжения.

Его не было.

В документе не указывалось, что отец обязан приходить трезвым.

Не говорилось, что он не должен управлять автомобилем после алкоголя.

Не было условия о спокойном общении.

О запрете крика.

О возвращении ребёнка вовремя.

О соблюдении режима питания и сна.

Только её обязанность.

Не препятствовать.

Формулировка была широкой.

Что считалось препятствием?

Болезнь?

Температура?

Сон?

Поездка?

Приём врача?

Страх ребёнка?

Отказ матери передавать дочь человеку, от которого пахло пивом?

Документ не отвечал.

Он оставлял место для толкования.

А толковать должен был тот, кто уже называл любое её «нет» нарушением своего права.

Лина добавила комментарий:

Необходимо определить, какие обстоятельства не являются препятствованием: болезнь ребёнка, медицинские назначения, нарушение отцом предварительной договорённости, состояние опьянения, угроза безопасности.

Несколько секунд смотрела на написанное.

Потом убрала слово «угроза».

Оно показалось слишком резким.

Заменила на:

иные обстоятельства, при которых передача ребёнка может причинить вред его здоровью или безопасности.

Прочитала.

Формулировка стала спокойнее.

Юридичнее.

И сразу слабее.

Алексей всегда выигрывал в пространстве между точным переживанием и нейтральными словами.

«Он приехал после пива» превращалось в «стороны поразному оценивают состояние отца».

«Он кричал» — в «между сторонами возник конфликт».

«Я боялась, что он не вернёт ребёнка» — в «мать испытывала субъективные опасения».

Чем официальнее становился язык, тем меньше в нём оставалось происходившего.

Четвёртый пункт касался праздников.

Отец мог видеть Юлю в день её рождения.

В Новый год.

В государственные праздники.

В день рождения самого Алексея.

Лина перечитала список.

Её дня рождения в нём не было.

Дня рождения Павла — тоже.

Семейные события матери документ не признавал обстоятельствами, которые могли иметь значение.

Зато день рождения отца выделялся отдельно.

Как обязательная дата.

Она написала:

Праздничные дни должны распределяться с учётом планов ребёнка и обеих семей, а не закрепляться односторонне.

Перешла к следующему пункту.

Отец вправе забирать ребёнка по месту жительства матери и возвращать по тому же адресу.

Лина почувствовала, как напряглись плечи.

Адрес.

Вот зачем в документе появилось место передачи.

Не нейтральная площадка.

Не парк.

Не детский центр.

Не заранее согласованное общественное место.

Её дом.

Точка на карте, которую Алексей получит не как бывший муж.

Как отец.

Она представила его возле подъезда.

В машине.

С включённой камерой телефона.

Представила, как он приезжает раньше назначенного времени.

Как ждёт.

Как считает окна.

Как смотрит, кто входит.

Как однажды поднимается на этаж.

— У нас общий ребёнок, — скажет он соседям. — Я имею право знать, где она живёт.

Лина поставила комментарий:

Передача ребёнка осуществляется в нейтральном общественном месте, согласованном сторонами. Адрес проживания матери и других членов её семьи не является местом обязательной передачи.

Сохранила документ.

В ту же секунду телефон завибрировал.

Ну что?

Алексей будто видел, что файл открыт.

Лина посмотрела на ноутбук.

На маленький зелёный индикатор возле камеры.

Закрыла её полоской бумаги.

Привычка.

В квартире не было камер.

Она проверяла.

Ирина проверяла.

Специалист проверял.

Но ощущение чужого взгляда больше не нуждалось в устройстве.

Иногда достаточно было сообщения, пришедшего точно в тот момент, когда она думала об Алексее.

Она написала:

Я читаю. Есть замечания.

Ответ появился сразу:

Какие ещё замечания?

Я пришлю документ с комментариями.

Не надо превращать две страницы в диссертацию.

Лина не ответила.

Через несколько секунд:

Там обычный порядок общения. Так живут все разведённые родители.

Она набрала:

Все семьи разные.

Стерла.

Написала:

Условия должны учитывать возраст Юли и обстоятельства нашей семьи.

Алексей позвонил.

Лина выключила звук.

Он позвонил снова.

Потом прислал голосовое сообщение.

Она сохранила его, прежде чем включить.

Теперь это происходило автоматически.

Сначала сохранить.

Потом слушать.

— Лина, я не понимаю, что ты опять устраиваешь. Я специально пошёл тебе навстречу. Написал, что Юля живёт с тобой. Согласился пока встречаться при тебе. Не потребовал половину недели. Ты всё равно ищешь, к чему придраться.

Мне кажется, ты просто не хочешь договариваться.

Лина прослушала второй раз.

«Не потребовал половину недели».

Уступкой он называл то, что пока не забрал больше.

«Согласился встречаться при тебе».

Собственную неспособность оставаться с маленькой дочерью один он превращал в одолжение.

«Написал, что Юля живёт с тобой».

Будто место жительства дочери зависело от его щедрости.

Она не стала отвечать голосом.

Написала:

Я не отказываюсь от соглашения. Я предлагаю обсудить его условия.

Алексей прочитал сразу.

Обсуждай. Только без твоих фантазий про опасность.

Лина посмотрела на сообщение.

Потом добавила в документ новый комментарий:

Встречи возможны при отсутствии у отца признаков алкогольного или иного опьянения.

На этот раз не смягчила.

На второй странице появился пункт об информации.

Мать обязуется своевременно сообщать отцу сведения о состоянии здоровья ребёнка, посещении ме-

медицинских организаций, назначенном лечении, образовательных учреждениях и месте фактического нахождения ребёнка.

Лина перечитала его трижды.

Состояние здоровья.

Медицинские организации.

Лечение.

Образовательные учреждения.

Место нахождения.

Сначала это выглядело как обычное право родителя знать о дочери.

Потом она заметила, что слово «своевременно» не расшифровано.

Что значит своевременно?

До каждого приёма врача?

После?

В тот же день?

В течение часа?

Нужно ли сообщать о насморке?

О температуре?

О смене витаминов?

Об анализах?

О том, что Юля остаётся с соседкой, пока Лина работает?

О поездке к бабушке?

О прогулке в другом районе?

О ночёвке у Ирины?

Фраза «место фактического нахождения ребёнка» могла означать всё.

Дом.

Детский сад.

Поликлинику.

Парк.

Другой город.

Каждую точку, в которой находилась Юлия.

А поскольку дочь почти всегда была рядом с Линой, документ давал Алексею возможность требовать сведения и о ней.

Он уже говорил:

«Ты не отделишь себя от ребёнка».

Теперь эта мысль превращалась в пункт соглашения.

Лина написала:

Информация сообщается в объёме, непосредственно касающемся существенных обстоятельств жизни и здоровья ребёнка. Уведомление о каждом перемещении ребёнка в пределах населённого пункта не требуется. Адрес фактического проживания матери представлению не подлежит.

Она остановилась.

Последняя фраза выглядела как признание конфликта.

Как будто нормальная мать заранее скрывала адрес от нормального отца.

Суд может спросить:

— Почему?

И ей снова придётся рассказывать.

Про преследование.

Про машину.

Про закрытую дверь.

Про камеры.

Про обещание найти.

Про то, как Алексей называл право на ребёнка правом
знать, где находится она.

Каждый раз история должна была начинаться заново.

Каждый раз ей предстояло доказать, что страх появился
не из воздуха.

Лина оставила комментарий.

Пункт о видеосвязи занимал две строки.

**Отец вправе ежедневно общаться с ребёнком по-
средством телефонной и видеосвязи в удобное для ре-
бёнка время.**

«В удобное для ребёнка».

Слова звучали правильно.

Но кто определит это время?

Юля ещё не могла сказать:

«Мне удобно сейчас».

Она могла спать.

Есть.

Капризничать.

Купаться.

Болезнь.

Быть в дороге.

Не хотеть смотреть на экран.

Алексей будет звонить тогда, когда удобно ему.

Если Лина не ответит, он напишет:

Почему препятствуешь?

Если ответит без видео:

Покажи ребёнка.

Если включит камеру:

Поверни телефон. Где вы? Кто рядом?

Видеосвязь уже была не разговором.

Она становилась переносной камерой.

Глазом старого дома, который Алексей пытался установить в новой квартире через экран телефона.

Лина добавила:

Видеосвязь осуществляется по предварительной договорённости не чаще _____ раз в неделю, с учётом режима ребёнка. Мать не обязана демонстрировать жилое помещение, окружающих лиц и место своего нахождения.

Поставила курсор на пустое место.

Сколько раз?

Один?

Два?

Три?

Любое число могло потом стать обязательством.

Не возможностью.

Не правом Юли услышать отца.

Нормой, нарушение которой можно зафиксировать.

Лина поставила цифру «два».

Сразу почувствовала вину.

Будто сама ограничила дочери отца.

Заменила на «три».

Потом снова на «два».

Закрыла комментарий, не сохранив число.

— Ты ещё не спишь? — спросил Павел.

Лина вздрогнула.

Он стоял в коридоре в пижаме.

— Уже поздно.

— Ты тоже не спишь.

— Я работаю с документом.

— С тем, который он прислал?

— Да.

Павел подошёл к столу.

Лина свернула окно.

Не потому, что там было что-то тайное.

Потому что мальчик и так слишком долго жил внутри
взрослого конфликта.

— Там написано, когда он будет забирать Юлю?

— Пока только встречаться.

— А потом?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что у него всегда есть «потом».

Лина посмотрела на сына.

— В этом проекте нет ночёвок.

— Значит, добавит.

— Откуда ты знаешь?

Павел пожал плечами.

— Сначала он тоже не ставил камеры в комнатах.

Фраза прозвучала без обвинения.

Как установленный факт.

Сначала камеры были во дворе.

Потом в коридоре.

Потом на кухне.

Потом дверь Павла должна была оставаться открытой.

Контроль никогда не объявлял конечную цель.

Он называл только следующий шаг.

— Иди спать, — сказала Лина.

— Ты подпишешь?

— Нет. Сначала всё обсудим.

— С ним?

— Да.

— Он согласится?

Лина посмотрела на экран.

— Не знаю.

— Тогда почему это называется соглашением?

Она не нашла ответа сразу.

Павел ждал.

— Потому что таким оно должно стать.

— А пока?

Лина развернула документ.

На экране снова появились ровные строки.

Фамилии.

Пункты.

Обязанности.

Права.

— Пока это его предложение.

— Тогда так и назови файл.

— Как?

— «Предложение Алексея».

Лина улыбнулась.

— Хорошее название.

— А то написано, будто вы уже согласились.

Он ушёл.

Лина нажала «Сохранить как».

Убрала слово «соглашение».

Назвала файл:

ПРЕДЛОЖЕНИЕ_АЛЕКСЕЯ_КОММЕНТАРИИ_ЛИНЫ.docx

Так стало честнее.

Внизу документа находилась фраза, которую она сначала пропустила:

Стороны обязуются разрешать возникающие разногласия путём переговоров, исходя из интересов ребёнка.

Лина прочитала её и неожиданно почувствовала усталость.

Не страх.

Не гнев.

Именно усталость.

Они уже вели переговоры.

В машине второго декабря.

По телефону.

В переписке.

Во дворе.

Возле торгового центра.

Во время встреч.

Каждый разговор начинался с одного вопроса и заканчивался требованием большего.

Алексей не искал решения.

Он проверял, насколько далеко может продвинуть границу.

Если Лина соглашалась на видеозвонок, он требовал личную встречу.

Если соглашалась на встречу при ней, он требовал остаться с Юлей один.

Если соглашалась на два часа, спрашивал, почему не четыре.

Если объясняла опасения, требовал доказательств.

Если показывала доказательства, называл их вырванными из контекста.

Переговоры с ним не завершали конфликт.

Они создавали новый материал для давления.

Лина написала:

Разногласия разрешаются в письменной форме либо с участием представителей сторон. Личные встречи для переговоров не являются обязательными.

После этого отправила документ Ирине.

Посмотри, пожалуйста. Особенно пункт про информацию.

Ирина ответила через несколько минут:

Вижу. Завтра созвонимся. Ничего ему сегодня не отправляй.

Лина написала:

Он ждёт.

Пусть ждёт. Проект не повестка и не решение суда.

Слова успокоили её ненадолго.

Телефон снова завибрировал.

Ты закончила?

Лина не ответила.

Мне завтра нужно передать юристу.

Она посмотрела на время.

Двадцать три сорок семь.

Ты сам составил документ? — спросила она.

Ответ пришёл не сразу.

Мне помогли.

Кто?

Какая разница?

Большая. Ты предлагаешь соглашение между нами или позицию для суда?

Алексей позвонил.

На этот раз Лина ответила.

— Что ты опять ищешь? — спросил он вместо приветствия.

— Хочу понять, кто подготовил проект.

— Нормальный человек, который знает законы.

— Юрист?

— Да.

— Он знает про твои условия? Про встречи при мне? Про алкоголь?

— Опять началось.

— Он знает, почему я не согласна отдавать тебе Юлю одну?

— Ему не нужны твои сказки. Он документы составляет.

— На основании твоей версии.

— А чьей ещё?

— Соглашение касается нас обоих.

— Вот и напиши, что хочешь изменить.

— Я написала.

— Сколько?

— Достаточно.

— Лина, там две страницы. Что ты могла исправлять три часа?

— Формулировки.

— Какие ещё формулировки?

— Например, обязанность сообщать тебе место фактического нахождения Юли.

— А что не так?

— Это слишком широко.

— Я отец. Я должен знать, где мой ребёнок.

— Если она в парке, мне нужно сообщать тебе адрес парка?

— Не доводи до абсурда.

— Тогда давай определим, что именно я обязана сообщать.

— Где живёт. Куда ходит. Где ночует. Кто с ней остаётся. К какому врачу ты её водишь.

Он перечислял спокойно.

Будто речь шла не о контроле.

Об информации.

— Зачем тебе знать, кто остаётся с ней на два часа?

— Потому что я мог бы остаться.

— Мы это уже обсуждали.

— Ты обсуждала. Я слушал.

— Вот поэтому нужен точный текст.

— Точный текст нужен только тому, кто заранее собирается нарушать.

Лина замолчала.

— Что? — спросил Алексей. — Нечего сказать?

— Наоборот. Ты сейчас очень точно объяснил, зачем тебе соглашение.

— И зачем же?

— Чтобы любое действие, которое тебе не нравится, можно было назвать нарушением.

— Бред.

— Тогда почему ты против уточнений?

— Потому что нормальные люди понимают обычные слова.

— Мы по-разному понимаем даже слово «трезвый».

На другом конце стало тихо.

— Ты опять записываешь? — спросил Алексей.

Лина посмотрела на экран ноутбука.

Диктофон лежал рядом.

Она не включила его.

После последних разговоров ей казалось, что запись должна начинаться раньше любого звонка.

Но в этот раз она устала.

Просто ответила.

— Нет.

— Значит, можно говорить нормально?

— А при записи ты говоришь ненормально?

— Ты всё перекручиваешь.

— Я пришлю комментарии завтра.

— Мне нужен ответ сегодня.

— Почему?

— Потому что если не договоримся, я подаю в суд.

Вот оно.

Не крик.

Не угроза.

Условие.

Подпись в обмен на отсутствие суда.

— Ты уже решил подавать, — сказала Лина.

— Я решил дать тебе возможность решить мирно.

— На твоих условиях.

— На нормальных условиях.

— Которые составил твой юрист по твоим словам.

— Ты можешь нанять своего.

Лина закрыла глаза.

Юрист.

Договор.

Оплата.

Суд.

Экспертиза.

Государственная пошлина.

Работа.

Дети.

Она уже представляла, как деньги, которые должны были пойти на квартиру, одежду и лечение, превращаются в папки документов.

— Вот видишь, — продолжил Алексей. — Тебе проще заплатить чужому человеку, чем договориться со мной.

— Договориться — не значит принять всё, что ты написал.

— А я не собираюсь месяцами обсуждать каждую запятую.

— Тогда не называй это соглашением.

Он усмехнулся.

— Хорошо. Не соглашайся. Суд решит.

— Пусть решит.

Лина сказала это быстрее, чем успела испугаться.

Алексей замолчал.

— Ты уверена? — спросил он.

Вопрос прозвучал почти мягко.

— В чём?

— Что хочешь, чтобы чужие люди решали, сколько времени отец может проводить с дочерью.

— Я хочу безопасный порядок.

— Суду расскажешь.

Он отключился.

Лина ещё долго держала телефон возле уха.

Разговор закончился.

Но последняя фраза продолжала звучать.

Суду расскажешь.

Не «давай обсудим завтра».

Не «я посмотрю твои замечания».

Не «попробуем найти вариант».

Суд уже присутствовал в переговорах.

Не как способ разрешить спор.

Как третий человек, которого Алексей позвал, чтобы сделать свой голос громче.

Лина открыла документ.

Внизу страницы стояли две пустые строки:

Отец: _____

Мать: _____

Одинаковые линии.

Одинаковая длина.

Внешне — равные стороны.

Но выше отец имел права.

Мать несла обязанности.

Отец получал встречи.

Мать обеспечивала.

Отец запрашивал сведения.

Мать сообщала.

Отец приезжал.

Мать передавала.

Отец звонил.

Мать включала связь.

Даже язык документа знал, кто должен действовать, а кто

— предоставлять доступ.

Лина выделила весь текст.

Открыла поиск.

Ввела слово:

Отец.

Одиннадцать совпадений.

Потом:

Мать.

Девять.

Количество почти одинаковое.

Но глаголы были разными.

Отец вправе.

Мать обязуется.

Лина создала таблицу.

Слева написала:

Права отца.

Справа:

Обязанности отца.

Левая колонка заполнилась быстро.

Встречаться.

Получать.

Знать.

Забирать.

Звонить.

Согласовывать иной порядок.

Правая осталась почти пустой.

Вернуть ребёнка.

И всё.

Она добавила вторую таблицу.

Права матери.

Обязанности матери.

Теперь пустовала левая колонка.

Лина смотрела на экран и впервые увидела документ не как набор условий.

Как устройство.

Маленький механизм.

На одной стороне находилась рукоятка.

На другой — человек, на которого механизм должен был давить.

Когда она легла, было почти два часа.

Сон пришёл сразу.

Лина стояла перед большим столом.

На нём лежал план дома.

Тонкие чёрные линии обозначали комнаты.

Кухня.

Коридор.

Спальня.

Комната Павла.

Детская Юли.

Но это был не старый дом.

Комнаты складывались из пунктов соглашения.

Место жительства.

Порядок встреч.

Видеосвязь.

Медицинская информация.

Место нахождения.

В каждой стене находилась дверь.

Рядом с дверями стоял Алексей и рисовал новые.

— Зачем столько? — спросила Лина.

— Чтобы я мог войти к дочери.

— Здесь уже есть вход.

— Этот только по вторникам.

Он нарисовал ещё одну дверь.

— А эта?

— На праздники.

Ещё одну.

— Эта для видеосвязи.

Ещё.

— Эта для информации о здоровье.

— Почему все двери ведут через мою комнату?

Алексей не ответил.

Продолжил чертить.

Лина подошла к плану.

На каждой двери с его стороны была ручка.

С её стороны — гладкая поверхность.

Девочка сидела на краю стола и держала зелёный карандаш.

— Это дом? — спросила Лина.

— Пока проект.

— Я могу изменить?

— Пока да.

— А после подписи?

Девочка провела пальцем по чёрным линиям.

Они поднялись над бумагой и превратились в стены.

— После подписи проект начнут строить.

— Но это всего лишь соглашение.

— Дом тоже когда-то был только рисунком.

Лина посмотрела на Алексея.

Он уже чертил дверь между её квартирой и своим домом.

Длинный коридор проходил через город.

Через детский сад.

Поликлинику.

Суд.

Службу приставов.

— Ты не можешь соединить всё, — сказала Лина.

— Могу.

— Как?

Он поднял лист.

Внизу стояла её подпись.

— Ты сама разрешила.

Лина проснулась.

На кухне было темно.

Ноутбук оставался открытым.

Белая страница освещала стол.

Лина встала, подошла к экрану и перечитала название файла:

ПРЕДЛОЖЕНИЕ_АЛЕКСЕЯ_КОММЕНТАРИИ_ЛИНЫ.docx

Рядом с ноутбуком лежал зелёный ключ.

Она давно не носила его с собой.

Но Павел нашёл ключ среди документов и положил на стол.

Наверное, хотел спросить, нужен ли он ещё.

Лина взяла его.

Когда-то этот ключ означал право войти в дом.

Потом оказался доказательством того, что человек может дать доступ и всё равно не дать свободы.

Теперь перед ней лежал другой ключ.

Юридический.

Пока ещё не выточенный до конца.

Первый проект соглашения не запирает её.

Не заставляет подписывать.

Не давал Алексею новых прав.

Пока это был только текст.

Но Лина уже понимала главное:

опасным документ становился не тогда, когда в нём появлялась очевидная угроза.

А тогда, когда чужая власть описывалась спокойными, разумными словами.

Интересы ребёнка.

Право отца.

Обязанность матери.

Своевременное информирование.

Мирное урегулирование.

Каждое выражение выглядело правильным.

Вместе они составляли коридор.

И все двери в нём открывались только в одну сторону.

Лина вернулась к документу.

В начале первой страницы, над словами «Стороны, действуя добровольно», она добавила комментарий:

Добровольность предполагает возможность обсуждать условия без угрозы неблагоприятных последствий за отказ.

Перечитала.

Сохранила файл.

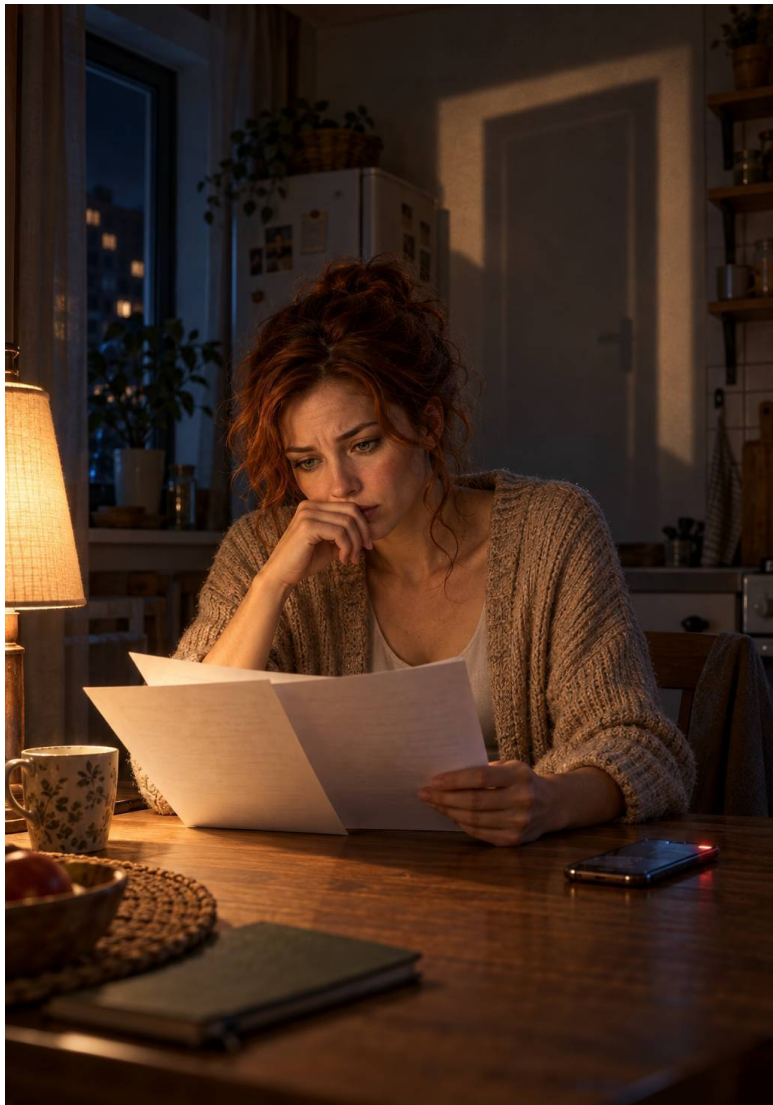
Первый проект соглашения был готов к ответу.

Но Лина ещё не знала, что Алексей пришлёт второй.

Потом третий.

И с каждой новой версией в документе будет становиться меньше её замечаний.

И больше дверей для него.

Глава 22. Новые строки

Лина открыла вторую версию утром.

Пока закипал чайник.

Пока Павел собирал учебники.

Пока Юля сидела на полу в одной пижаме и пыталась надеть носок на игрушечного зайца.

Документ занимал три страницы.

Часть её замечаний Алексей действительно принял.

В соглашении появилось обязательство предупреждать об опоздании.

Уточнение о состоянии здоровья Юли.

Фраза об отсутствии признаков опьянения.

Но последнюю изменили.

Лина писала:

Встречи проводятся при условии отсутствия у родителей признаков алкогольного или иного опьянения.

В новой версии стояло:

Стороны обязуются воздерживаться от злоупотребления алкогольными напитками в период общения с ребёнком.

Одно слово изменило смысл.

Злоупотребление.

Теперь недостаточно было выпить.

Нужно было злоупотребить.

А сколько считалось злоупотреблением?

Одна бутылка?

Три?

Состояние, при котором человек ещё способен говорить?

Или только то, при котором уже не может стоять?

Алексей не отрицал, что пил.

Он отрицал, что его количество алкоголя можно считать опасным.

Теперь документ позволял ему продолжать тот же спор.

— Мам, где второй носок? — спросил Павел.

Лина свернула окно.

— На батарее.

— Там нет.

— Тогда в сушилке.

— Я смотрел.

Юля подняла зайца.

На одной его лапе висел её носок.

— Вот, — сказал Павел.

Девочка прижала игрушку к себе.

— Зая.

— Это мой носок.

— Зая.

— Юль, мне в школу.

Она отвернулась.

Павел посмотрел на мать.

— Можно забрать?

— Сначала предложи другой.

Он нашёл маленький носок Юли, надел его на лапу игрушки и осторожно снял свой.

Без крика.

Без приказа.

Без слов:

«Кто тебя спрашивал?»

Лина смотрела на детей и думала, что договориться иногда действительно было просто.

Если целью оставалось решение.

А не победа.

После того как Павел ушёл в школу, она вернулась к документу.

Функция сравнения выделила изменения цветом.

Красным — удалённые слова.

Синим — добавленные.

Чёрным — оставшийся текст.

Лина читала только новые строки.

Время встреч сохранилось.

Среда.

Суббота.

Общественное место.

Но после фразы о присутствии матери появился новый абзац:

По истечении одного месяца с момента начала исполнения настоящего соглашения встречи отца с ребёнком проводятся без обязательного присутствия матери.

Лина перечитала.

Один месяц.

Четыре субботы.

Четыре среды.

После этого она должна была передавать Юлю Алексею одну.

Независимо от того, привыкла ли девочка.

Независимо от того, как проходили встречи.

Независимо от того, был ли отец трезв.

Независимо от того, научился ли он кормить дочь, успокаивать её и замечать усталость.

Один месяц превращал доверие в автоматическое последствие календаря.

Лина оставила комментарий:

Переход к самостоятельным встречам возможен только с учётом возраста, состояния и фактической готовности ребёнка, при отсутствии негативной реакции. Конкретный срок заранее не устанавливается.

Перешла к следующему изменению.

В случае невозможности проведения встречи по инициативе матери либо по обстоятельствам, возникшим на стороне матери, пропущенное время подле-

жит компенсации в ближайший согласованный сторонами день.

Лина прочитала ещё раз.

По инициативе матери.

По обстоятельствам, возникшим на стороне матери.

Если Юля заболит, обстоятельство возникло на чьей стороне?

Если Павел попадёт к врачу?

Если Лину вызовут на работу?

Если сломается автобус?

Если в квартире отключат отопление и придётся уехать к Ирине?

Если ребёнок уснёт перед встречей?

Любое событие, происходящее в жизни Лины, могло стать долгом перед Алексеем.

Он получал не только право на встречу.

Он получал право на компенсацию жизни, которая помещала его графику.

Лина написала:

Состояние здоровья ребёнка, медицинские назначения, неблагоприятные погодные условия, чрезвычайные обстоятельства и иные объективные причины не считаются отказом матери от исполнения соглашения. Вопрос о переносе решается с учётом интересов ребёнка и не создаёт безусловной обязанности

компенсировать время.

Фраза получилась длинной.

Она перечитала её и подумала, что самыми длинными в соглашении снова становились её попытки защититься.

Требование помещалось в одну строку.

Объяснение, почему оно может быть опасным, занимало абзац.

Следующий новый пункт касался звонков.

Отец вправе ежедневно общаться с ребёнком посредством телефонной и видеосвязи в удобное для ребёнка время продолжительностью не менее пятнадцати минут.

Ежедневно.

Не менее пятнадцати минут.

Юле было два года.

Она не разговаривала по телефону пятнадцать минут ни с кем.

Через тридцать секунд отворачивалась.

Через минуту начинала нажимать кнопки.

Через две убегала.

Но соглашение превращало её внимание в обязанность.

Лина представляла вечер.

Юля устала.

Павел просит помочь с уроками.

На плите ужин.

Телефон звонит.

На экране Алексей.

Если Лина не ответит — она препятствует.

Если ответит, а Юля убежит, — не обеспечила общение.

Если завершит звонок через пять минут — нарушила минимальную продолжительность.

Если включит видеосвязь, Алексей увидит комнату.

Окно.

Мебель.

Людей рядом.

Снова камера.

Только теперь она должна была сама держать её в руке.

Лина добавила комментарий:

Телефонная или видеосвязь осуществляется по предварительной договорённости не чаще двух раз в неделю, без установленной минимальной продолжительности, с учётом возраста, желания, самочувствия и режима ребёнка.

Подумала и дописала:

Мать не обязана демонстрировать жилое помещение, место своего нахождения и окружающих лиц.

Сохранила файл.

Телефон завибрировал.

Алексей:

Уже посмотрела?

Смотрю.

Твои замечания учли.

Не все. И появились новые пункты.

Потому что ты сама просила всё прописать.

Лина задержала пальцы над клавиатурой.

Формально он был прав.

Она просила точность.

Теперь точность использовали для расширения требований.

Я просила прописать обязанности обеих сторон, а не добавлять новые права тебе.

Ответ пришёл сразу:

Это права Юли на общение с отцом.

Так он делал всё чаще.

Собственное желание называл правом ребёнка.

Свой график — её интересом.

Требование видеосвязи — потребностью дочери.

Если Лина спорила с ним, получалось, что она спорит с Юлей.

Днём пришла Ирина.

Привезла продукты и небольшую куртку для Юли.

— Купила своей племяннице, оказалась мала. Примерьте.

Юля сразу потребовала надеть обновку.

Несколько минут ходила по квартире, застёгнутая до под-

бородка, и отказывалась снимать.

— На улицу собралась, — сказала Ирина.

— Юя гулять.

— После сна, — ответила Лина.

Девочка легла на ковёр прямо в куртке.

— Тогда спать, — объявила она.

Ирина рассмеялась.

— Логично.

Они перенесли Юлю на диван.

Лина открыла документ.

— Посмотри.

Ирина прочитала сначала первую версию.

Потом вторую.

— Он принял твоё замечание про опоздания.

— Да.

— И сразу добавил самостоятельные встречи.

— Через месяц.

— Почему именно через месяц?

— Не знаю.

— Юле исполнится какой-то определённый возраст?

— Нет.

— Тогда откуда срок?

— Наверное, чтобы выглядело как постепенное привыкание.

Ирина указала на абзац.

— Но готовность ребёнка здесь вообще не проверяется.

— Я написала комментарий.

— А компенсация встреч?

— Тоже новая.

— Что считается обстоятельствами на твоей стороне?

— Всё, что происходит у нас.

Ирина медленно перечитала пункт.

— Болезнь ребёнка тоже может попасть сюда.

— Я именно об этом подумала.

— Надо выделить отдельно.

— Выделила.

Ирина перешла к видеосвязи.

— Ежедневно по пятнадцать минут?

— Да.

— С двухлетним ребёнком?

— Видимо.

— Он сам когда-нибудь пытался удержать её возле телефона столько времени?

— Нет.

— Тогда зачем продолжительность?

Лина знала ответ.

Не для Юли.

Ребёнку не требовался таймер, чтобы общаться с отцом.

Продолжительность была нужна тому, кто собирался потом измерять исполнение.

— Чтобы можно было установить, состоялся звонок или нет, — сказала она.

— Пять минут не считается?

— По этому тексту — нет.

Ирина закрыла ноутбук.

— Это не соглашение о контакте с ребёнком.

— А что?

— Табель учёта твоего поведения.

Лина посмотрела на неё.

— Может, мы слишком подозрительно читаем?

— Возможно.

— В первом проекте всё было почти нормально.

— Первый проект показал направление. Второй — скорость.

— Он согласился на общественные места.

— Пока.

Слово прозвучало знакомо.

Лина вспомнила Павла:

«У него всегда есть потом».

— Если я откажусь от любого пункта, он скажет, что препятствую, — произнесла она.

— Он это скажет независимо от того, сколько пунктов ты примешь.

— Но суд увидит, что он предлагает общение, а я всё ограничиваю.

— Тогда не ограничивай. Обосновывай.

— Какая разница?

— Для тебя — большая. Ты не пишешь: «Нет звонков».

Ты пишешь: «Формат должен соответствовать возрасту ребёнка». Не пишешь: «Не дам одну». Пишешь: «Переход зависит от готовности Юли».

— А если никто не захочет видеть разницу?

Ирина посмотрела на закрытую крышку ноутбука.

— Тогда проблема будет не в твоих формулировках.

Алексей позвонил вечером.

На этот раз Лина заранее положила диктофон на стол.

Телефон включила на громкую связь.

Юля играла в комнате.

Павел был рядом, поэтому Лина вышла на кухню и закрыла дверь.

— Долго ещё будешь читать? — спросил Алексей.

— Я уже прочитала.

— Тогда что?

— Отправлю комментарии.

— Опять?

— Ты добавил новые условия.

— Потому что первый вариант был общий.

— Первый ты называл готовым соглашением.

— Какая разница, как я называл?

— Большая. Ты сказал, что там всё, как я хотела.

— Там и было всё, как ты хотела. Потом твои же замечания учли.

— Я не просила ежедневную видеосвязь и компенсацию встреч.

— А что в них плохого?

— Юля не будет сидеть перед экраном пятнадцать минут каждый день.

— Откуда ты знаешь?

— Я живу с ней.

— Вот именно. Ты живёшь, а я должен выпрашивать звонок.

— Ты можешь звонить в согласованное время.

— Я и написал согласованное время.

— Нет. Ты написал ежедневно, когда удобно ребёнку. Но определять это время всё равно придётся мне.

— Определим.

— Каждый день?

— А что сложного? Написала: «Можно звонить», и всё.

— А если она спит?

— Позвоню позже.

— Купается?

— Позже.

— Мы не дома?

— Позже.

— Не хочет разговаривать?

На несколько секунд возникла тишина.

— Ребёнок в два года не может решать, хочет он общаться с отцом или нет.

— А кто решает?

— Родители.

— То есть я должна держать её перед экраном?

— Не передёргивай.

— Как обеспечить пятнадцать минут, если она уйдёт?

— Заинтересуй.

— Чем?

— Ты мать. Придумаешь.

Вот оно.

Его право снова должно было работать её усилиями.

Он звонил.

Она выбирала время.

Она включала телефон.

Она находила Юлю.

Она усаживала её.

Она удерживала внимание.

Она придумывала игру.

Она следила за продолжительностью.

После этого Алексей мог сказать, что ежедневно общается с дочерью.

— Я предложила два звонка в неделю без минимальной продолжительности, — сказала Лина.

— Два мало.

— Почему?

— Потому что я хочу видеть её каждый день.

— Ты раньше неделями не звонил.

— Раньше мы были в других отношениях.

— Юля была той же дочерью.

— Ты специально вспоминаешь прошлое, чтобы ограничить меня сейчас.

— Я пытаюсь понять, почему ежедневные звонки стали необходимы только после того, как я ушла.

— Потому что до этого ты была дома.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Именно, — сказала Лина.

— Что «именно»?

— Пока я жила в твоём доме, тебе не нужно было звонить. Ты мог видеть нас в любое время.

— И что?

— Теперь тебе нужен ежедневный доступ.

— К дочери.

— Через мой телефон.

— Купи ей отдельный.

Лина не сразу поняла, что он говорит серьёзно.

— Ей два года.

— Будет лежать дома. Я смогу звонить.

— Кто включит телефон?

— Ты.

— Тогда что изменится?

— Не будешь говорить, что твой занят.

Лина посмотрела на диктофон.

Красная линия двигалась.

— Юле не нужен отдельный телефон, — сказала она.

— Тебе всё не нужно, что связывает её со мной.

— Это неправда.

— Правда. Ты хочешь оставить только встречи при тебе, чтобы контролировать каждое моё слово.

— Мне важно видеть её состояние.

— Потому что не доверяешь.

— Да.

Алексей замолчал.

Лина сама удивилась прямому ответу.

Раньше она смягчила бы.

Сказала:

«Дело не в доверии».

«Просто она маленькая».

«Нужно время».

Теперь произнесла правду.

— И что я должен сделать, чтобы ты начала доверять? — спросил он.

— Приходить трезвым. Не кричать. Не угрожать. Не использовать суд как давление. Не требовать всё больше после каждой уступки.

— Я ничего не требую.

— Мы обсуждаем вторую версию, которая длиннее первой на страницу.

— Потому что ты сама захотела конкретики.

— Конкретика появилась только в моих обязанностях.

— Там мои встречи с дочерью.

— Это твоё право. Где обязанности?

— Я должен приехать.

— В документе даже не написано, что будет, если ты не приедешь.

— Ничего не будет. Перенесём.

— А если не смогу я, должна компенсировать.

Он снова замолчал.

— Это разные вещи, — сказал наконец.

— Почему?

— Потому что ты можешь специально сорвать встречу.

— А ты не можешь?

— Зачем мне срывать, если я сам её добиваюсь?

Логика снова работала только в одну сторону.

Его желание объявлялось гарантией добросовестности.

Её осторожность — доказательством возможного нарушения.

— Убираем безусловную компенсацию, — сказала Лина.

— Нет.

— Тогда определяем объективные причины.

— Какие ещё причины?

— Болезнь Юли.

— Если она действительно больна.

Лина напряглась.

— Что значит «действительно»?

— С температурой, например. Справка от врача.

— Ты хочешь справку для каждой отменённой встречи?

— А как мне знать, что ты не придумала?

— Ты считаешь, что я стану придумывать болезни дочери?

— Я считаю, что ты используешь любую возможность.

— Какую возможность?

— Не отдавать её.

— Мы говорим о встречах при мне.

— Пока при тебе.

Лина услышала это слово.

— Значит, ты уже рассматриваешь другой порядок.

— Конечно. Она не будет всю жизнь сидеть возле твоей юбки.

— Ей два года.

— Скоро три.

— Не скоро.

— Время быстро идёт.

Для Алексея детство Юли уже двигалось к удобному ему возрасту.

Он не замечал, как девочка училась говорить.

Какие слова произносила неправильно.

Как засыпала только с зайцем.

Как боялась громких мужских голосов.

Как просила оставить свет в коридоре.

Он видел будущего ребёнка.

Того, которого можно будет забрать.

— Самостоятельные встречи нельзя привязывать к одному месяцу, — сказала Лина. — Только к её готовности.

— А кто определит готовность? Ты?

— Мы оба.

— Тогда она никогда не будет готова.

— Почему?

— Потому что тебе так удобно.

Лина почувствовала усталость.

Любой критерий, который нельзя было измерить часами и датами, Алексей считал обманом.

— Можно привлечь детского психолога, — предложила она.

— Чтобы ты нашла своего и рассказала ему, какой я плохой?

— Независимого.

— Вот суд и назначит независимого.

Впервые слово «суд» прозвучало рядом с ребёнком и психологом.

Пока без цены.

Без названия экспертизы.

Просто как место, где кто-то другой решит, готова ли Юля оставаться с отцом.

— Мы сейчас пытаемся договориться без суда, — напомнила Лина.

— Я пытаюсь. Ты пишешь причины, почему ничего нельзя.

— Я предлагаю безопасный порядок.

— Безопасный — это когда ты всё контролируешь?

— Безопасный — это когда ребёнок не становится способом контролировать меня.

— Опять началось.

— Оно не заканчивалось.

Алексей выдохнул.

— Хорошо. Присылай свои комментарии. Но предупреждаю: бесконечно переписывать никто не будет.

— Кто — никто?

— Я и юрист.

— Значит, юрист всё-таки участвует.

— И что?

— Ничего. Я хочу понимать, с кем веду переговоры.

— Со мной.

— Тогда почему отвечает он?

— Потому что ты каждую фразу превращаешь в проблему. Пусть пишет так, чтобы потом не спорили.

Лина посмотрела на экран ноутбука.

Три страницы.

Уже спорили.

— Отправлю вечером, — сказала она.

— Сегодня.

— Когда закончу.

— До восьми.

— Не устанавливай мне срок.

— У людей тоже есть работа.

— У меня тоже.

— Ты дома сидишь.

Лина молча завершила звонок.

Павел стоял за кухонной дверью.

Она не знала, сколько он слышал.

— Ты почему не в комнате?

— Хотел воды.

— Давно стоишь?

Он пожал плечами.

— Он хочет забирать Юлю?

— Пока обсуждаем встречи.

— Без тебя?

— В новой версии — через месяц.

Павел посмотрел в сторону комнаты, где играла сестра.

— Она с ним не останется.

— Почему ты так думаешь?

— Она плачет, когда он говорит громко.

— Он может научиться говорить спокойно.

— А если не научится за месяц?

Лина не ответила.

— В документе можно написать, что тогда месяц не считается? — спросил Павел.

— Я написала, что всё зависит от готовности Юли.

— А как она скажет, что готова?

— По поведению.

— Если она будет плакать, значит, не готова?

— Возможно.

— А он скажет, что ты её настроила.

Мальчик повторил почти дословно то, что Алексей говорил раньше.

— Ты не должен об этом думать, — сказала Лина.

— Но кто-то должен.

— Я думаю.

— Ты всё время пытаешься написать так, чтобы он не смог обмануть.

— Я пытаюсь избежать разных толкований.

— Это одно и то же.

Павел налил воду и ушёл.

На пороге остановился.

— Мам.

— Что?

— Если ты пропустишь встречу, её надо вернуть?

— В проекте написано — компенсировать.

— Как долг?

— Получается, да.

— А если Юля заболит?

— Я предложила считать болезнь уважительной причиной.

— А если он не поверит?

Лина посмотрела на документ.

— Тогда понадобится справка.

— Для него?

— Возможно.

— А врач будет писать справку каждый раз?

— Не знаю.

— Странно.

— Что?

— Когда я болею, мне дают справку для школы. А Юле, получается, надо будет брать для папы.

Он ушёл.

Лина осталась на кухне.

Эта формулировка ещё не была утверждена.

Не существовало ни обязательной компенсации, ни справок для Алексея.

Но Павел уже увидел будущее документа.

Ребёнок заболит.

Мать отменит встречу.

Отец потребует доказательство.

Болезнь перестанет быть состоянием Юли.

Станет причиной неисполнения.

Лина закончила комментарии после девяти.

Добавила встречную обязанность Алексея предлагать компенсацию, если встреча не состоялась по его причине.

Убрала минимальную продолжительность видеозвонка.
Оставила два звонка в неделю.

Отказалась от автоматического перехода к самостоятельным встречам через месяц.

В конце документа написала:

Предложенный порядок должен обеспечивать постепенное и безопасное формирование отношений ребёнка с отцом, а не создавать формальные основания для предъявления претензий одному из родителей.

Перечитала.

Слово «претензий» показалось слишком прямым.

Она хотела заменить его на «разногласий».

Но не стала.

Отправила файл Алексею.

Через несколько минут пришло:

Получил.

Потом:

Ты убрала почти всё, что касается меня.

Я оставила встречи и звонки.

При тебе и когда тебе удобно. Это не общение.

Это постепенный порядок для маленького ребёнка.

Я передам юристу. Дальше решай сама.

Лина не спросила, что значит последняя фраза.

Уже знала.

Либо соглашение.

Либо суд.

Ночью она открыла обе версии рядом.

В первой было две страницы.

Во второй — три.

Первая предлагала встречи.

Вторая начинала измерять исполнение.

Часы.

Дни.

Продолжительность звонков.

Срок привыкания.

Компенсация пропущенного времени.

Документ становился похож на календарь.

В каждой клетке находилось действие Лины.

Привести.

Ответить.

Показать.

Обеспечить.

Компенсировать.

Она включила функцию сравнения ещё раз.

Удалённые слова загорелись красным.

Новые — синим.

Красные строки казались порезами.

Синие — швами, которыми документ пытались стянуть
обратно.

Лина закрыла ноутбук.
Из комнаты донёсся кашель Юли.
Один раз.
Потом второй.
Лина сразу встала.
Подошла к кровати.
Потрогала лоб.
Температуры не было.
Юля спала, прижав зайца.
Лина поправила одеяло.
На тумбочке лежал телефон.
Экран загорелся.
Новое письмо.
От Алексея.

Проект соглашения. Версия 3.

В сообщении было написано:

Внесли компромиссные формулировки. Также добавили стандартный пункт об информации, которую родители обязаны предоставлять друг другу.

Лина посмотрела на спящую дочь.
Потом на слово «**информация**».
Она ещё не открыла файл.
Но уже чувствовала:
третья страница соглашения закончилась.
Начиналась четвёртая.
И новые строки приближались к тем частям её жизни, ко-

которые пока ещё не были названы в документе.

Глава 23. Информация о ребёнке

Третья версия соглашения пришла в воскресенье утром. Лина кормила Юлю кашей.

Павел сидел напротив и пытался починить колесо синей машинки. Старый клей больше не держал. Колесо отпадало, стоило провести игрушкой по столу.

Телефон коротко завибрировал.

АЛЕКСЕЙ:

Отправил окончательный вариант. Посмотри сегодня.

Лина открыла письмо.

В теме было написано:

Соглашение о порядке осуществления родительских прав. Версия 3.

Слово «окончательный» уже не совпадало с номером файла.

Первую версию Алексей тоже называл окончательной.

Вторую — уточнённой.

Третья состояла из четырёх страниц.

Лина пролистала документ.

Изменения были выделены жёлтым.

Теперь мать обязана была:

незамедлительно информировать отца обо всех изменениях состояния здоровья ребёнка;

сообщать сведения о поставленных диагнозах, назначенных обследованиях, лекарственных препаратах и рекомендациях специалистов;

предоставлять копии медицинских документов;

уведомлять о посещении медицинских, образовательных и иных учреждений;

информировать о фактическом месте нахождения ребёнка;

сообщать сведения о лицах, осуществляющих присмотр за ребёнком в отсутствие матери;

не препятствовать отцу самостоятельно получать информацию о ребёнке в медицинских и образовательных организациях.

Лина перечитала последний пункт.

Потом вернулась к предыдущему.

Сведения о лицах, осуществляющих присмотр.

— Мам, — сказал Павел. — Смотри.

Он поставил машинку на стол и толкнул.

Она проехала несколько сантиметров.

Колесо осталось на месте.

Машинка накренилась и остановилась.

— Почти, — сказала Лина.

— Нет. Опять отвалилось.

Павел взял колесо.

— Что там?

— Новый вариант.

— Ещё один?

— Да.

— Он опять что-то добавил?

Лина закрыла документ.

— Немного.

Павел посмотрел на неё.

Он уже научился понимать, когда слово «немного» означало обратное.

— Про меня есть?

— Нет.

— Точно?

Лина снова открыла файл.

Фамилия Павла нигде не упоминалась.

Но в соглашении появились «лица, проживающие совместно с ребёнком» и «лица, осуществляющие присмотр».

— Прямо имени нет.

— А непрямо?

— Непрямо есть все.

— Даже Ирина?

— Если останется с Юлей — да.

— А соседка?

— Наверное.

— А я?

Лина посмотрела на него.

— Если побудешь с сестрой, пока я выйду в магазин, — возможно.

Павел нахмурился.

— И ты должна будешь сказать Алексею?

— По этому проекту — да.

— Зачем?

Лина снова посмотрела на строчки.

Слова были спокойными.

Деловыми.

Почти заботливыми.

Ребёнок должен быть в безопасности.

Отец имеет право знать, кто находится рядом с дочерью.

Родители обязаны сообщать друг другу важную информацию.

Каждое утверждение отдельно казалось разумным.

Но вместе они складывались в расписание чужого присутствия внутри её жизни.

— Он скажет, что хочет знать, с кем Юля, — ответила Лина.

— Но если она с нами, она с семьёй.

— Скажет, что должен иметь возможность проверить.

— Что проверить?

Лина не нашла короткого ответа.

Павел сам продолжил:

— Нормальные ли мы?

Юля ударила ложкой по краю тарелки.

Капля каши упала на стол.

Лина вытерла её салфеткой.

— Вы ничего не обязаны ему доказывать.

— Тогда почему это написано?

— Потому что написать можно всё.

— А если ты подпишешь?

Лина промолчала.

Павел взял машинку и колесо.

— Тогда написанное станет правдой?

— Не правдой. Обязанностью.

Он посмотрел на неё.

— Это хуже.

Ирина приехала после обеда.

Лина распечатала все три версии и разложила на кухонном столе.

Первая занимала две страницы.

Вторая — три.

Третья — четыре.

Документы лежали рядом, как фотографии одного и того же дома, к которому после каждого снимка пристраивали новую комнату.

Ирина взяла карандаш.

— Давай по порядку.

— Здесь почти всё про информацию.

— «Почти» — неправильное слово.

Она провела линию под первым пунктом.

— «Незамедлительно информировать обо всех изменениях состояния здоровья». Что такое изменение?

— Температура.

— Возможно. А насморк?

— Наверное.

— Покраснение кожи?

— Не знаю.

— Плохо поела?

— Можно считать изменением.

— Проснулась ночью?

— Тоже.

Ирина подчеркнула слово **всех**.

— Если формулировка не имеет границ, её можно нарушить в любой момент.

— Но суд ведь поймёт, что речь о существенных вещах.

— Суд, может, и поймёт. А Алексей?

Лина знала ответ.

— Скажет, что я скрыла.

— Именно.

Ирина перешла к следующему пункту.

— «Предоставлять копии медицинских документов». В какой срок?

— Не указан.

— В какой форме?

— Не указано.

— Каких именно документов?

— Всех.

— Выписка, результаты анализов, назначения, справки, карта целиком?

— Получается, да.

— А если врач что-то сказал устно?

— Он потребует подтвердить.

— А если ты не возьмёшь справку после обычного приёма?

— Скажет, что приёма не было.

Ирина поставила знак вопроса на полях.

— Теперь местонахождение.

— Я уже увидела.

— Что именно ты должна сообщать?

— Где Юля.

— Постоянно?

— Не написано.

— Значит, он сможет утверждать, что постоянно.

Лина провела пальцем по строке.

Информировать о фактическом месте нахождения ребёнка.

— Если мы в поликлинике?

— Сообщать.

— В магазине?

— По буквальному смыслу — да.

— У бабушки?

— Да.

— Гуляем в парке?

— Да.

— На детской площадке возле дома?

— Да.

— То есть вместе с местонахождением Юли он будет знать твоё местонахождение.

— Она почти всегда со мной.

— Вот именно.

Ирина отложила карандаш.

— Здесь информация о ребёнке используется как законный предлог получать информацию о тебе.

— Он скажет, что это одно и то же.

— Пока ребёнок маленький — почти одно и то же. Поэтому пункт особенно опасный.

Лина перевернула страницу.

— А если предложить сообщать только о выезде из города?

— Это разумно.

— И о госпитализации. Серьёзной болезни. Изменении врача.

— Да.

— Он не согласится.

— Почему?

— Потому что ему нужен не ответ на важный вопрос.

Лина посмотрела на распечатки.

— Ему нужно право задавать вопросы постоянно.

Они составили замечания.

Фразу **«обо всех изменениях состояния здоровья»** заменили на:

«о заболеваниях и травмах, требующих обращения за медицинской помощью».

Вместо обязанности предоставлять все документы написали:

«по письменному запросу предоставлять имеющиеся медицинские заключения, непосредственно относящиеся к заболеванию ребёнка».

Информацию о местонахождении ограничили поездками за пределы региона и случаями госпитализации.

Пункт о лицах, присматривающих за Юлей, Лина предложила удалить полностью.

— Он не согласится, — повторила она.

— Пусть объяснит, зачем ему паспортный стол твоих знакомых.

— Скажет, что переживает.

— Тогда предложи ему сообщать то же самое.

— Что именно?

— С кем находится Юля во время его встреч. Кто бывает в доме. Кто может её забирать. Кто остаётся рядом, если он выходит.

Лина задумалась.

В проекте не было обязанности отца сообщать о людях вокруг ребёнка.

Если Юля находилась с матерью, Алексей должен был знать каждого.

Если с ним — информация прекращалась у входа в его дом.

— Он ответит, что это его время, — сказала она.

— А твоё время почему-то должно быть прозрачным.

Ирина взяла первую версию.

— Здесь было написано: встреча в твоём присутствии.

Положила рядом третью.

— Здесь уже предусмотрена передача без тебя. А теперь ему нужны сведения обо всех людях, которым доверяешь ты.

— Но не о тех, кому доверяет он.

— Это не соглашение о взаимной ответственности.

— А что?

Ирина посмотрела на страницы.

— Инструкция по доступу.

В комнате Юля засмеялась.

Павел что-то говорил ей, меняя голос.

Лина прислушалась.

Он показывал сестре машинку без колеса и изображал, будто она всё равно едет.

— Возможно, мы преувеличиваем, — сказала Лина.

Ирина не ответила сразу.

— Что именно?

— Может, он действительно хочет получать информацию как отец.

— Имеет право.

— Тогда почему меня пугает каждый пункт?

— Потому что ты знаешь не только слова. Ты знаешь человека, который будет ими пользоваться.

— Но в суде скажут: что плохого в том, что отец интересуется здоровьем дочери?

— Ничего.

— Что плохого в доступе к медицинской информации?

— Самом по себе — ничего.

— В том, что он знает, где ребёнок?

— Тоже ничего, если это взаимная договорённость и если информация не используется для слежки.

Лина усмехнулась.

— Вот только в соглашении нельзя написать: «Алексей обязуется не использовать права так, как использовал всё остальное».

— Можно написать конкретные границы.

— Он их убирает.

— Тогда сохраняй версии.

— Зачем?

— Чтобы было видно направление.

Ирина сложила страницы по порядку.

— Первая версия показывает, с чего он начал.

Положила сверху вторую.

— Вторая — что добавил.

Третью оставила последней.

— А эта — чего он добивается, когда думает, что ты уже устала спорить.

Лина посмотрела на жёлтые строки.

Новая дверь.

Ещё одна.

И ещё.

Дом больше не ехал за ней целиком.

Он собирался заново.

Из пунктов.

Сроков.

Обязанностей.

Формулировок, которые выглядели безопаснее камер.

На следующий день Юлю нужно было везти на плановый осмотр.

Лина записалась к педиатру ещё две недели назад.

Она не сообщала об этом Алексею.

Не потому, что скрывала.

Просто не считала обычный осмотр событием, требующим отдельного согласования.

Утром он написал:

Во сколько сегодня врач?

Лина остановилась посреди коридора.

Юля сидела на полу и пыталась надеть на руку носок.

Павел завязывал шнурки.

— Что? — спросил он.

Лина показала экран Ирине, которая пришла посидеть с Павлом после школы.

Сообщение было коротким.

Никаких объяснений.

Во сколько сегодня врач?

— Ты ему говорила? — спросила Ирина.

— Нет.

— В переписке?

— Нет.

— Павел?

— Я вообще с ним не разговариваю, — сказал мальчик.

— Может, поликлиника прислала уведомление на старый номер?

Лина проверила сообщения.

Подтверждение записи пришло только ей.

— Он мог позвонить в регистратуру, — сказала Ирина.

— И ему сказали?

— Он отец. Возможно.

Телефон снова завибрировал.

Я задал вопрос.

Лина набрала:

Обычный плановый осмотр. После приёма сообщу результат.

Ответ появился сразу:

Во сколько и у какого врача?

Она ничего не написала.

Через минуту пришло ещё одно сообщение:

Я имею право присутствовать.

— Он приедет? — спросил Павел.

Лина посмотрела на часы.

До приёма оставалось сорок минут.

— Не знаю.

— Может, не ехать?

— Юле нужен осмотр.

— Можно записаться на другой день.

— И каждый раз менять запись, если он узнает?

Павел опустил взгляд.

Лина поняла, что сказала слишком резко.

— Прости. Я не на тебя сержусь.

— Я знаю.

— Мы поедем.

— А если он там?

Лина надела Юле шапку.

— Тогда будем разговаривать в поликлинике.

— Там люди.

— Да.

— Это хорошо?

— Сегодня — да.

Алексей стоял у регистратуры.

Лина увидела его сразу.

Он был в тёмной куртке, чисто выбрит и держал в руке бахилы.

Не пьяный.

Не кричащий.

Не похожий на человека, от которого нужно защищаться.

Обычный отец, пришедший к врачу вместе с дочерью.

Он заметил Лину и посмотрел на часы.

— Чуть не опоздали.

Не «здравствуй».

Не «как Юля».

Сначала — контроль времени.

— Мы пришли заранее.

— Приём через семь минут.

— Значит, не опоздали.

Он протянул руки к Юле.

Девочка прижалась к матери.

— Иди к папе.

Юля отвернулась.

— Она тебя давно не видела, — сказала Лина.

— Потому что ты не даёшь.

— У вас была видеосвязь.

— Ребёнка через телефон не воспитывают.

Он снова протянул руки.

Лина не передала дочь.

— Не заставляй её.

— Ты сама её напрягаешь.

— Она устала с дороги.

Алексей посмотрел на Юлю.

— Что у неё с щекой?

— Где?

— Справа красное.

Лина повернула лицо девочки к свету.

На коже остался след от шарфа.

— Шарф натёр.

— Давно?

— Только сейчас увидела.

— Почему не сообщила?

Она посмотрела на него.

— О чём?

— Об изменении состояния кожи.

Несколько секунд Лина думала, что он шутит.

Алексей не улыбался.

— Ты серьёзно?

— Ты сама хочешь ограничить информацию только тем, что считаешь важным.

— Это след от шарфа.

— Сейчас ты говоришь так. А если аллергия?

— Врач посмотрит.

— Вот именно. Поэтому я должен знать.

Он произнёс это достаточно громко.

Женщина возле регистратуры обернулась.

Лина почувствовала знакомый стыд.

Не за то, что сделала что-то плохое.

За то, что со стороны всё снова выглядело спором двух равных родителей.

Тревожный отец.

Раздражённая мать.

Посередине — ребёнок.

Медсестра открыла дверь.

— Юлия Алексеевна?

— Мы, — одновременно ответили Лина и Алексей.

Педиатр оказалась молодой женщиной с усталым лицом.

Она измерила Юле рост и вес, послушала дыхание, осмотрела горло.

Алексей стоял рядом и задавал вопросы.

— Вес соответствует возрасту?

— Да.

— А почему она плохо прибавила за последний месяц?

Врач посмотрела карту.

— Прибавка в пределах нормы.

— Какая норма?

Она назвала диапазон.

— У неё нижняя граница.

— Но всё ещё норма, — ответила врач.

— Что она ест? — спросил Алексей у Лины.

— Ты знаешь.

— Я хочу, чтобы врач услышал.

Лина перечислила питание.

— Сколько раз в день?

— По режиму.

— Какому?

— Я отправляла тебе.

— В старом сообщении. Могло измениться.

Врач переводила взгляд с одного на другую.

— Есть жалобы на аппетит?

— Нет, — сказала Лина.

— Иногда отказывается от еды, — одновременно сказал

Алексей.

Она повернулась к нему.

— Когда ты это видел?

— На видеосвязи.

— Она тогда уже поела.

— Откуда мне знать?

Врач закрыла карту.

— Если у ребёнка нормальные показатели и нет жалоб, причин для беспокойства я не вижу.

Алексей кивнул.

— Хорошо. А по щеке?

Лина сняла с Юли шарф.

Краснота почти исчезла.

— Механическое раздражение, — сказала врач. — Ничего делать не нужно.

— Запишите это в карту.

Педиатр подняла глаза.

— Что именно?

— Что осмотрели покраснение.

— В этом нет необходимости.

— Я прошу записать.

— Вы отец?

— Да.

— Тогда можете ознакомиться с медицинской документацией в установленном порядке.

Алексей посмотрел на Лину.

— Вот. Даже врач говорит, что я имею право.

— Она сказала не это.

— А что?

Педиатр вмешалась:

— Я сказала, что у законного представителя есть право получать сведения о здоровье ребёнка. Ваш семейный спор я не рассматриваю.

— Спора нет, — ответил Алексей. — Мать просто не общается мне информацию.

Лина почувствовала, как внутри сжимается что-то старое. Раньше она начала бы объяснять.

Показала бы переписку.

Рассказала о видеозвонках.

О предложенных встречах.

О том, что он сам пропадал на недели.

Но врач ждала следующего пациента.

Юля уже капризничала.

Алексей стоял спокойно.

Любое длинное объяснение сделало бы Лину человеком, который оправдывается перед незнакомой женщиной.

— Осмотр закончен? — спросила она.

— Да. Ребёнок здоров. Следующий плановый приём через месяц.

— Спасибо.

Лина начала одевать Юлю.

— Какие прививки дальше? — спросил Алексей.

Врач назвала.

— Без моего согласия ничего не делать, — сказал он Лине.

— Решения о лечении и вакцинации принимаются с учётом медицинских рекомендаций.

— Я сказал: сначала сообщаем тебе.

— Ты не можешь единолично запретить медицинскую помощь.

— А ты не можешь единолично решать.

— Если ребёнку будет нужна срочная помощь, я не стану ждать твоего ответа.

— Мы говорим не о срочной.

— Тогда не формулируй это как «ничего».

— Опять цепляешься к словам.

Врач посмотрела на дверь.

Лина закончила застёгивать комбинезон.

— Мы уходим.

Алексей пошёл следом.

На улице он догнал её возле ступеней.

— Подожди.

Лина не остановилась.

— Я разговариваю с тобой.

— Пиши.

— Ты не отвечаешь.

— Отвечаю на вопросы о Юле.

— Когда сама решишь, что вопрос достаточно важный.

— Потому что ты спрашиваешь о каждом следе от одеж-

ды.

— А если бы это было не от одежды?

— Врач посмотрела.

— Потому что я настоял.

Лина остановилась.

— Мы приехали на плановый осмотр. Врач в любом случае увидела бы её лицо.

— Но ты даже не заметила покраснение.

— Оно исчезло за десять минут.

— Удобно.

— Что удобно?

— Всё у тебя исчезает. Следы. Температура. Проблемы.

— Какую температуру я скрыла?

— Я говорю в целом.

— Нет. Ты сейчас создаёшь впечатление, будто я не слежу

за здоровьем дочери.

— Если следишь, почему боишься дать информацию?

Лина посмотрела на него.

Фраза прозвучала почти точно так, как она ожидала.

— Я не боюсь информации.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что ты с ней делаешь.

— А что я делаю?

— Используешь любую мелочь, чтобы представить меня плохой матерью.

— Это ты так воспринимаешь.

— Ты потребовал внести в карту след от шарфа.

— Чтобы был зафиксирован факт.

— Для чего?

— На будущее.

— Какое будущее?

Алексей усмехнулся.

— Никто не знает, что ты ещё устроишь.

— Значит, ты собираешь сведения не ради здоровья Юли.

— Ради её защиты.

— От меня?

Он не ответил прямо.

— Если ты говоришь правду, проверка тебе не мешает.
Слова были знакомыми.

Так он говорил о камерах.

Если нечего скрывать — чего бояться?

Так говорил о телефоне.

Если не обманываешь — покажи.

Так говорил о деньгах.

Если семья важна — переведи.

Теперь та же формула получила другое название.

Родительское участие.

— Постоянная проверка мешает жить, — сказала Лина.

— Тебе мешает ответственность.

— Нет. Мне мешает человек, который приходит на обычный приём и пытается превратить след от шарфа в доказательство.

— Какое доказательство?

— Ты сам сказал: «на будущее».

— Потому что с тобой иначе нельзя.

— Тогда зачем тебе соглашение?

— Чтобы всё было чётко.

— Нет. Чтобы потом можно было сказать, какой пункт я нарушила.

Алексей приблизился.

Не настолько, чтобы со стороны это выглядело угрозой.

Достаточно, чтобы Лина почувствовала запах его одеко-

лона.

— Если не будешь нарушать, проблем не будет.

— Ты напишешь правила так, что не нарушать их невозможно.

— Это ты сейчас заранее оправдываешься.

Юля завозилась на руках.

Лина поправила её шапку.

— Отойди.

— Я хочу поддержать дочь.

— Она устала.

— Опять решаешь за неё.

— Ей два года.

— Тем более ей нужен отец.

Он протянул руки.

Юля отвернулась и обняла Лину за шею.

— Видишь? — сказал Алексей. — Ты её настроила.

— Она хочет к маме.

— Потому что ты не даёшь привыкнуть ко мне.

— Мы обсуждали встречи.

— При тебе. На твоих условиях. В каком-то кафе, как за-
ключённому.

— В нейтральном месте.

— Я не опасный.

— Сегодня ты устроил допрос у врача.

— Я интересовался здоровьем собственного ребёнка.

— Ты собирал формулировки.

— Какие ещё формулировки?

— Те, которые потом можно использовать.

Алексей достал телефон.

— Хорошо. Скажи ещё раз на запись, что я не имею права
знать о здоровье дочери.

— Я этого не говорила.

— А что ты сказала?

— Что ты используешь информацию для контроля.

— Повтори.

— Убери телефон.

— Почему? Боишься собственных слов?

Красная полоса появилась на экране.

Та же.

Всегда та же.

Только теперь между ними была поликлиника, а на руках
у Лины — ребёнок.

Она развернулась и пошла к остановке.

— Вот видишь! — крикнул Алексей вслед. — Как только
надо отвечать за слова, ты уходишь!

Несколько человек обернулись.

Лина не остановилась.

Дома Павел спросил:

— Он был там?

— Был.

— Откуда узнал?

— Наверное, позвонил в поликлинику.

— Ему сказали время?

— Похоже на то.

— Разве можно рассказывать, когда мы придём?

Лина сняла с Юли комбинезон.

— Не знаю.

— А вдруг он спросит адрес?

— Наш адрес там указан.

Павел замер.

— В карте?

— Да.

— Значит, он уже знает?

— Не обязательно. Медицинская организация не должна просто выдавать все данные по телефону.

— Но время ему сказали.

Лина не ответила.

Он сел на табурет.

— Мы поэтому переезжали?

— Почему?

— Чтобы он потом узнал адрес через врача.

— Мы не знаем, узнал ли.

— Ты всегда так говоришь, когда плохое уже возможно.

— Как?

— «Не знаем».

Она посмотрела на сына.

Павел был прав.

Но и другого ответа у неё не было.

— Я уточню в поликлинике, какие сведения ему предоставляли.

— Они скажут?

— Должны.

— А если нет?

— Напишем запрос.

— Опять бумагу?

— Да.

Павел провёл машинкой по столу.

Теперь он прикрепил колесо кусочком пластилина.

Оно держалось, но не вращалось.

— Она не едет, — сказал он.

— Зато не падает.

— Это не одно и то же.

Он оторвал колесо.

— Если всё закрепить так, чтобы ничего не двигалось, это уже не машинка.

Лина посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

Он снова начал чинить игрушку.

Поликлиника ответила через три дня.

Лине сообщили, что отец ребёнка обращался в регистра-
туру лично накануне приёма, предъявил паспорт и свиде-
тельство о рождении.

Ему подтвердили факт записи Юлии к педиатру.

Медицинскую карту не выдавали.

Адрес проживания не сообщали.

Формально нарушения не было.

Алексей имел право получать сведения о здоровье доче-
ри.

Он воспользовался этим правом.

Пришёл.

Присутствовал на приёме.

Задал вопросы.

Потребовал зафиксировать покраснение.

Ничего незаконного.

И всё же после его появления обычный осмотр перестал
быть обычным.

Лина перечитала ответ.

— Получается, он может узнавать обо всех записях? —
спросила она Ирину.

— Может обращаться как законный представитель.

— Даже если сам не занимается лечением?

— Право не зависит от того, сколько раз он давал ребёнку
лекарство.

— Удобно.

— Закон исходит из того, что оба родителя действуют в

интересах ребёнка.

— А если один использует сведения против другого?

— Тогда это приходится доказывать отдельно.

— Как?

— Фиксировать не отдельное действие, а систему.

Лина положила рядом письмо поликлиники, сообщение Алексея и третью версию соглашения.

Каждый документ сам по себе был нейтральным.

Запрос отца.

Ответ учреждения.

Проект договора.

Но вместе они рассказывали другую историю.

Сначала Алексей потребовал постоянного доступа к информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.